

*В. Е. Возгрин*

## НОВОЕ ПЛАТЬЕ НОРМАНИЗМА

Идея западнославянского, а не норманского происхождения Рюрика довольно стара. В XIX и XX веках она подвергалась критике как вполне обоснованной, так и не слишком, со стороны профессиональных историков и филологов, а также разного рода любителей-дилетантов. А потом о ней вообще забыли, просто за ненадобностью — эта полемика имела смысл лишь в XIX веке, когда образование государства связывали с происхождением династии. Хотя даже автор ключевого средневекового источника «Повести временных лет» Нестор отдельно отвечал на три вопроса: «откуда пошел» славянский народ, кем были Рюриковичи и, наконец, как возникла сама Русь. Примерно такого же подхода придерживается сегодняшняя историческая наука. Уже давно ясно, что процесс образования государства не всегда зависит от этнической принадлежности правящего рода. Тем не менее упомянутая полемика не столь давно была реанимирована по причинам, к которым перейдём чуть позже.

В наше время защищать идею автохтонного происхождения княжеской власти на Руси взялись крайние антинорманисты А. Г. Кузьмин, его ученик В. В. Фомин, ориенталистка Л. П. Грот и примкнувший к ним А. А. Романчук<sup>1</sup>. Цель этой статьи — не только подтвердить испытанную временем историческую истину о корнях династии Рюриковичей, но и избавить отечественных историков от необходимости отвлекаться на проблему «шведского готицизма», не столь давно привлечённой антинорманистами для доказательства своей правоты. Приведу отклик на этот счёт учёного, не нуждающегося в рекомендациях — одного из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессора Л. С. Клейна: «Сам факт того, что противостояния норманизма и антинорманизма не существует нигде, кроме России, и поддержка антинорманизма нынешней властью России (министр культуры В. Р. Мединский и др.) говорит о том, что вся программа антинорманизма зиждется на национальном комплексе неполноценности и униженности,

корни которого отнюдь не в глубокой истории, а в отставании России, которое в тех или иных формах чувствуется с петровского времени»<sup>2</sup>.

Но вернёмся во времена, несколько отдалённые от сегодняшней действительности. Во второй половине XX века антинорманисты-патриоты получили уже официальную поддержку власти и государства, развернувшего борьбу с космополитизмом и «иностранными влияниями» в различных сферах жизни советского общества. Причину этого явления раскрывает антинорманистка Л. П. Грот. Она пишет, что с сер. 1990-х гг., когда Б. Н. Ельцин призвал к созданию национальной идеи, началось широкое обсуждение этого проекта, причём на исторической почве — отсюда и оживление антинорманизма<sup>3</sup>. Причём не без оснований — в пользу норманской теории приводились новые аргументы, подкреплённые отечественными и зарубежными источниками, свежими археологическими данными<sup>4</sup>, но главное — новыми историографическими разработками в России и за рубежом одного из формационных процессов, а именно факта *смены вождества*<sup>5</sup> племенным княжением. И хотя «историографическое изучение славянского политогенеза только начинается»<sup>6</sup>, тем не менее для нашей скромной цели материалов уже достаточно.

Вникнем глубже в суть обоих терминов. Вождество — это промежуточная форма социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей и знати. Но в ней пока ещё отсутствует легальный репрессивный и принудительный аппарат. То есть вождество, как политическая структура, занимает промежуточное положение между родоплеменным обществом и такой протогосударственной формой, как племенное княжение. В чём же разница между вождеством и княжением? Начать здесь следует с того, что вождей полностью удовлетворял традиционный *status quo* — как личный, так и племенной.

А князья, в отличие от вождей, были способны усилить своё общество путём его целенаправленной централизации и захватов слабых соседей, «собрания земли». Подчинение одним обществом другого — политика, ранее неизвестная, и идея эта, якобы простая, в действительности вызрела долго и трудно. Но скандинавские и иные князья в этой идеологии воспитывались, они вырастали специалистами, готовыми к такого рода деятельности. И когда возникает идея управления при помощи профессионалов, то это понятие включает и наследственных профессионалов, то есть тех, кто от рождения предназначен для отправления тех или иных обязанностей. Конечно, специалистами-лидерами являлись и вожди, но у профессионалов-князей имелась совсем иная, востребованная эпохой специализация-идеология. Поэтому в ходе данной метаморфозы весьма важным являлся идеологический момент, легитимировавший власть

высшего сословия, в нашем случае во главе с князем. И эту власть старейшины могли предложить не местным (или, скажем, слабым киевским<sup>7</sup>) лидерам, а заморскому Рюрику, подходившему, прежде всего, по своему княжескому происхождению и соответствующему воспитанию.

Вожество может созреть для превращения в княжение, но для этого необходимы конкретно-исторические условия и триггеры, то есть своего рода капсули. Триггером могут служить межплеменные войны, несущие разорение, или, наоборот, удачный захват рабов или сокровищ, а также и появление нового, выдающегося лидера. В истории ильменских словен такой момент настал в пер. пол. X в., когда взимавшие с них ранее дань варяги были изгнаны вместе с их князьями. Словены остались под началом своих племенных вождей, то есть вернулись к архаике, которая их явно не устраивала по причине, предельно ясно указанной в известной летописи — из-за внутренних раздоров. Хотя можно догадаться и об иных побудительных причинах: история обществ есть процесс их взаимного усиления относительно друг друга. Одним из ключевых факторов этой конкуренции является трансформация самих способов социальной организации. Именно в этой логике и возникает нужда в централизованной власти, сначала в форме вождества, а затем — княжества.

Но роль Рюрика и прибывшей с ним когорты таких же профессионалов — более существенна, чем просто зачин княжеской, а потом царской династии. Именно он и его преемники повели с помощью своих дружин объединение славянских и угро-финских племён Восточной Европы. Его предшественники-варяги устанавливали контроль над отдельными участками славянских торговых путей. Он же установил на севере и западе Восточноевропейской равнины более сложную и, как оказалось, перспективную систему власти. Рюрик первым стал управлять землями не через местных вождей, а назначая своих наместников. Позже этой системы придерживались его преемники Олег и Игорь — с известными результатами расширения своей территории до Киева, а потом далеко к востоку и югу от него.

Для исторической науки вполне ясно проступает значение Рюрика при сравнении новой системы с вождеской. Последняя стояла на страже гомеостатического общества, застывшего в вечной повторяемости событий — вроде кочевнического или оседлого инуитского. Общество воспроизводилось, не изменяясь. С Рюриком на Русь пришла пора новой, линейно-поступательной истории. И эти его заслуги не могут не признать даже антинорманисты: «Значение Рюрика для становления и развития русской цивилизации состоит не в его этнической характеристике, а в том, что при нем была создана устойчивая государственность на Руси, способствовавшая слиянию разных племен в единый этнос»<sup>8</sup>.

Таким образом, создалось впечатление, что старинный, бравший начало во времена М. В. Ломоносова и Г. Миллера спор, пришёл к своему логическому завершению. Но, как выяснилось позже, антинорманисты не собирались оставлять своих позиций — по всё тем же причинам, сформулированным Л. С. Клейном и актуальным до сегодняшнего дня. Конечно, они не могли не сознавать зыбкость своих позиций и умозрительных доводов, закономерно приведших всю их теорию к краху.

Казалось бы, выхода не было. Но он нашёлся.

Наши соотечественники, овладев шведским языком, совершили открытие: оказывается не только русские, украинцы и казаки были способны на захват земель, заселённых инородцами. На такую честь претендуют и исторические готы, некогда захватившие всю Южную Европу и значительную часть Западной. Что явно угрожало фантому великорусской исключительности — тем более в эпоху созидания национальной идеи. И антинорманисты с новыми силами повели борьбу с такой конкуренцией в истории путём искусственного совмещения готической и норманистской идей. Правда, им мешала одна проблема: полная типологическая и содержательная чуждость двух названных комплексов. И это уже не говоря об их далёком разбросе во времени (II–III и IX вв.!) и пространстве: где готы и где Русь! Но было бы желание — и эти препятствия оказались преодолимыми. И норманизм IX века сопрягся с готицизмом тьетьего. Первого понятия мы выше коснулись, готицизм же, не столь известный, требует более внимательного ознакомления.

Известно, что XVI в. отмечен в странах Европы активным накоплением исторических знаний друг о друге. Из библиотек извлекались разнообразные, часто не совсем достоверные источники, фиксировалась устная традиция, собирался материал о важных событиях былого. Но наряду с этим стремлением к исторической истине в европейской историографии развилась и другая тенденция — откровенного мифологизирования исторического прошлого народов. В странах Севера при этом наиболее активную роль сыграли представители готицизма.

Чтобы понять его истоки и смысл, следует погрузиться в культурно-политическую атмосферу того периода. В Италии XVI в. национальное движение неотделимо от воспевания действительно славного прошлого. Но почему эта культура не дождала до раннего Нового времени, спрашивали гуманисты. И нашли ответ — вина здесь, конечно, не итальянцев даже с их упадочным Римом. Виноваты чужаки, которые вторглись на Апеннинский полуостров и удушили классическую культуру. И для гуманистов всё германское стало тождественным антикультуре и варварству. Эта теория в век книгопечатанья мигом получила распространение во всей Европе, в том числе её германо-скандинавской части.

Реакцией на это огульное очернение и стал готицизм. Северные авторы привлекли труды античных авторов и стали доказывать, что платоновская Атлантида и иные земли блаженных, описанные античными историками, это и есть Скандинавия. Гиперборейцы же — её древнее население, готы, которые в свою очередь являются предками шведов. В этих трудах готские своды законов, культура и модель жизни идеализировались, прославлялись и их военные победы.

Короче, это была сложная, многоцветная утопия, основанная на отдельных античных фрагментах и дополненная фантазией её автора, создателя новой «Атлантиды», Улофа Рюдбека. Понятно, что первопроходцем в этом ненаучном жанре он не был. Его «Атлантида» была написана в конце XVII в., а «Утопия» Томаса Мора — в 1516 г., то есть полутора веками ранее. Так что шведская утопия была не первой и не последней. Перенесясь через века, мы обнаружим Мордор Толкиена в Англии, а в России — фантастический мир, перенесённый в Уральские горы Павлом Бажовым, также сложный и также высосанный из пальца.

Но не они обратили на себя внимание ряда наших современников-историков. Подобно своим итальянским предшественникам, они избрали мишенью не пороки или превосходные качества утопистов Бажова, Толкиена и затесавшегося между ними Альфреда Розенберга с его оккультным мифом XX в. Антиноманисты обрушились на давно канувший в Лету готицизм. Это мирная утопическая структура, совершенно чуждая истории России, подверглась яростным нападкам наших коллег. Они даже изобрели для этого новый ругательный термин от имени автора «Атлантиды» У. Рюдбека — «рюдбекианизм» — нечто совершенно новое и в самой Швеции неизвестное. А сделав это открытие, антиноманисты искусственно связали с ним норманизм, надеясь, что с камнем «рюдбекианизма» и гирей готицизма на шею он уж точно утонет — окончательно и безвозвратно.

Однако норманизм и в этот раз выплыл. Как нарочно, именно к моменту этой массивной атаки на него и подоспело новое в нашей медиевистике направление, взявшее на вооружение упомянутое системное различие между вожжеством и княжеством. А также все истекавшие из такой качественной метаморфозы исторические последствия — в том числе и связанные непосредственно с именем Рюрика. Он начал своё государственное строительство за век-полтора до того, как нечто отдалённо похожее стало созидаться на киевских холмах. Впрочем, это повторение давно известной истины предназначено не для просвещённого читателя, а для антиноманистов вроде Лидии Грот, последняя книга которой имеет подзаголовок рекламного характера «Норманны, которых не было»<sup>9</sup>. Сильно подозреваю, что это — перевёртыш сокровенной мысли автора: «Норманны. Лучше бы их не было».

И последнее. Антинорманисты в качестве последнего, убойного довода выдвигают утверждение, что в отличие от тюркских языков, в России отсутствовали заимствования из скандинавских — чего не могло бы быть, если бы варяги имели какое-то значение для славянской политической культуры. Тут остаётся развести руками — антинорманисты не знают простой вещи — не только такие вроде бы исконно русские слова, как хибара или лекарь — скандинавского происхождения. Но и свои первые два слова русский ребёнок произносит по-шведски. Это — «мама» и «папа» (а не «мать» или «отец»). Впрочем, не исключены гораздо более древние контакты восточных славян и с готами — языковых заимствований в русском из готского немало. Приведём два из них, соседствующие в известном этимологическом словаре, это «стекло» и «стезя» — от *gots. stikls* (кубок) и *staigo* (путь).

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Последние труды такого рода: *Романчук А. А.* Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // *Stratum plus*. № 5. 2013. С. 283–299; Варяги и Русь: Сборник статей и монографий / Сост. и ред. В. В. Фомин (Изгнание норманов из русской истории. Вып. 5). М., 2015; *Грот Л. П.* Рюрик Ютландский — пример фантомной истории норманистов // *Переформат.ру*. Общественно-научное переформатирование \ <http://pereformat.ru/2018/03/rorik/> (дата обращения: 2018. 03.03).

<sup>2</sup> *Клейн Л. С.* Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора // *Stratum plus*. № 5. 2014. С. 337.

<sup>3</sup> *Грот Л. П.* Призвание варягов. Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. М., 2012. С. 5–6.

<sup>4</sup> *Мурашева В. В.* «Путь из ободрит в греки...»: археологический комментарий по варяжскому вопросу // *Российская история*. 2009. № 4. С. 174–180.

<sup>5</sup> Вождество — «автономная политическая единица, включающая в себя несколько деревень или общин, объединенных под постоянной властью верховного вождя» (*Carneiro R. L.* The Chieftdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / Jones G. D., Kautz R. R., eds. Cambridge, N.Y., 1981. P. 45.

<sup>6</sup> *Дворниченко А. Ю.* Племенные структуры и славянские политогенезы (реплика) // *Петербургские славянские и балканские исследования*. 2015. № 2. Июль-декабрь. С. 154.

<sup>7</sup> «Так называемое “Киевское государство” X в. являло собой конгломерат племён, рыхлое и неустойчивое межплеменное образование, сооружённое Киевом посредством военного принуждения прежде всего с целью получения даней и не имеющее прочных внутренних связей, а потому готовое в любой момент рассыпаться» (*Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996. С. 447).

<sup>8</sup> *Рыбаков С. В.* История России с древнейших времен до конца XVII века: курс лекций. Екатеринбург, 2014. С. 42

<sup>9</sup> *Грот Л. П.* Призвание варягов. Норманны, которых не было. М., 2013.

## ЛИТЕРАТУРА

Варяги и Русь: Сборник статей и монографий / Сост. и ред. В. В. Фомин. — (Изгнание норманов из русской истории. Вып. 5). М.: Русская панорама, 2015. 504 стр.

*Грот Л. П.* Призвание варягов. Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. М.: Алгоритм, 2012. 368 стр.

*Грот Л. П.* Призвание варягов. Норманны, которых не было. М.: Алгоритм, 2013. 369 стр.

*Клейн Л. С.* Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора // *Stratum plus*. № 5. 2014. С. 335–343.

*Мурашева В. В.* «Путь из ободрит в греки...»: археологический комментарий по варяжскому вопросу // *Российская история*. 2009. № 4. С. 174–180.

*Романчук А. А.* Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // *Stratum plus*. № 5. 2013. С. 283–299

*Рыбаков С. В.* История России с древнейших времен до конца XVII века: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 192 стр.

*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1971. 827 стр.

*Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб.: Изд. СПбГУ, 1996. 512 стр.

*Carneiro R. L.* The Chieftdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / Jones G. D., Kautz R. R., eds. Cambridge, N.Y., 1981. P. 37–79.